

Оригинальная статья/Original article

УДК 341

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.205-219>**Режим наибольшего благоприятствования
в инвестиционных договорах: пределы использования****И.И. Галимов***Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия**ildus.galimov.99@mail.ru***Аннотация**

Статья посвящена анализу режима наибольшего благоприятствования в международных инвестиционных договорах с акцентом на пределы его применения в современной арбитражной практике. Рассмотрены эволюция подходов к толкованию соответствующих договорных оговорок, а также причины отказа арбитражных трибуналов от расширительного понимания упомянутого режима. Особое внимание уделено разграничению материально-правовых стандартов защиты инвестиций и процессуальных положений о разрешении споров, а также применению принципа *ejusdem generis*. На основе анализа решений международных инвестиционных арбитражей и новых договорных моделей показано, что режим наибольшего благоприятствования постепенно утрачивает характер универсального инструмента расширения защиты инвестора. Сделан вывод о формировании более сдержанного и формализованного подхода, ориентированного на текст договора, согласие государства и требования правовой определенности.

Ключевые слова: режим наибольшего благоприятствования, инвестиционные договоры, инвестиционный арбитраж, международное инвестиционное право, MFN-оговорка, юрисдикция арбитража, договорное толкование, защита инвестиций, практика ICSID

Для цитирования: Галимов И.И. Режим наибольшего благоприятствования в инвестиционных договорах: пределы использования // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2026. Т. 168, кн. 3. С. 205–219. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.205-219>.

Most-favored-nation treatment in investment treaties: Limits of application**I.I. Galimov***Kazan Federal University, Kazan, Russia**ildus.galimov.99@mail.ru***Abstract**

This article examines most-favored-nation (MFN) treatment in investment treaties with special attention to the limits of its application in the contemporary arbitral practice. By tracing the evolution of different approaches to interpreting MFN clauses, the reasons behind the departure from expansive readings of MFN by investment tribunals were explained. Particular emphasis was placed on the distinction between substantive investment protection standards and procedural arrangements for dispute settlement, as well as

on the operation of the *ejusdem generis* principle. Based on the analysis of recent international investment arbitration decisions and new treaty models, it was demonstrated that MFN treatment is no longer perceived as a universal tool for extending investor protection. The conclusion was therefore drawn that international investment law is adopting a more cautious and formalistic approach centered on treaty language, state consent, and legal certainty.

Keywords: most-favored-nation treatment, investment treaties, investment arbitration, international investment law, MFN clause, arbitral jurisdiction, treaty interpretation, investor protection, ICSID practice

For citation: Galimov I.I. Most-favored-nation treatment in investment treaties: Limits of application. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2026, vol. 168, no. 3, pp. 205–219. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.205-219>. (In Russian)

Введение

Режим наибольшего благоприятствования (НБН) является одним из стандартных положений в большинстве международных инвестиционных договоров. В соответствии с ним государство обязуется предоставлять иностранным инвесторам другой стороны режим, не менее благоприятный, чем тот, которым пользуются инвесторы любых третьих государств.

Подобная оговорка призвана исключить дискриминацию по признаку национальной принадлежности инвестора и обеспечить равные условия конкуренции для всех иностранных инвесторов в принимающей стране. На первый взгляд, режим НБН представляет собой простой и однозначный механизм, однако практика показала, что его применение сопровождается рядом сложных вопросов интерпретации.

Например, на основании НБН подавались иски о дискриминации, а также отмечались случаи «заимствования» из других соглашений более благоприятных материально-правовых норм и даже процедурных возможностей урегулирования споров. Особенно дискуссионной оказалась попытка получить с помощью НБН доступ к более выгодному механизму разрешения споров, обходя ограничения базового договора; в арбитражной практике по обозначенному вопросу трибуналы заняли прямо противоположные позиции. В результате более 150 инвестиционных споров, в которых затрагивалось действие оговорки НБН, сложилась противоречивая и непредсказуемая картина: разные составы арбитров по-разному решали, распространяется ли НБН на процедурные права и обязательства. Такая непоследовательность породила обеспокоенность государств и участников инвестиционного сообщества относительно правовой определенности и справедливости режима защиты инвестиций.

В качестве ответа на сложившуюся ситуацию ряд стран в новых соглашениях явно ограничил сферу применения НБН, прямо исключив из нее помимо налоговых и таможенных льгот также положения о разрешении споров, а в последних европейских договорах – даже возможность опоры на обязательства из других соглашений при определении «благоприятного режима». Таким образом, вопрос о пределах использования режима НБН приобрел особую актуальность.

Настоящая статья посвящена анализу режима наибольшего благоприятствования в инвестиционных договорах и тем ограничениям, которые выработаны в практике его применения. Исследование опирается на актуальную арбитражную практику и современные тенденции договорного регулирования.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели использован комплекс методов: сравнительно-правовой анализ текстов инвестиционных соглашений (в части оговорок НБН), анализ практики международных инвестиционных арбитражей, а также изучение новейших доктринальных источников по данной теме. При отборе эмпирического материала особое внимание уделено арбитражным решениям 2020–2023 гг., чтобы учесть современные тенденции развития права. Анализ прецедентов проводился с опорой на ряд важных факторов, влияющих на толкование НБН. В частности, принимались во внимание:

- формулировка самой оговорки НБН в конкретном договоре;
- характер преимущества, на которое претендует инвестор;
- позиции арбитров, рассматривающих спор; такой подход позволяет систематизировать разрозненную практику и выявить закономерности, определяющие пределы применения режима наибольшего благоприятствования.

Результаты и обсуждение

По итогам проведенного анализа выявлен ряд положений, характеризующих пределы использования оговорок НБН в инвестиционных соглашениях.

Большинство инвестиционных трибуналов признает возможность применения НБН для получения инвесторами более благоприятных материально-правовых гарантий за счет положений, содержащихся в других договорах. В практике накопилось множество примеров, когда с помощью НБН инвесторам удавалось воспользоваться улучшенными стандартами защиты (например, более широким содержанием обязательств государства по справедливому и равноправному обращению с инвестором (*fair and equitable treatment, FET*), повышенными гарантиями полной защиты и безопасности инвестиций), применить так называемую зонтичную оговорку об исполнении государством всех обязательств перед инвестором (*umbrella clause*) и т. д. Такой подход, как правило, не встречает возражений со стороны государств-ответчиков и фактически стал устоявшимся правилом разрешения споров (UNCTAD, 2010).

Использование НБН для распространения на инвестиционный спор более благоприятных процедурных условий (например, возможности напрямую обратиться к международному арбитражу, минуя предусмотренные договором предварительные этапы) оказалось крайне противоречивым. Арбитражные трибуналы заняли по этому вопросу диаметрально противоположные позиции. В ряде решений, начиная с *Maffezini v. Spain*, признается, что оговорка НБН позволяет обойти процессуальные ограничения базового договора и воспользоваться более выгодным порядком разрешения спора из другого соглашения (ICSID, 2000). В деле *Maffezini* инвестор на основании НБН добился права не ждать истечения 18 месяцев рассмотрения спора в судах Испании (как того требовал основной договор) и сразу инициировал международный арбитраж. Однако другие трибуналы отвергли возможность такого расширения, указывая на отсутствие согласия государства на арбитраж за пределами прямо оговоренных условий. К примеру, в деле *Plama v. Bulgaria* было постановлено, что сама по себе оговорка НБН не может рассматриваться в качестве предоставления государством согласия на рассмотрение спора в арбитраже (ICSID Conv., 1965) (ICSID, 2005). Аналогичного мнения придерживался и ряд последующих трибуналов (например, *Impregilo v. Argentina*), которые требовали от инвестора строгого соблюдения всех предварительных условий договора (таких как обращение в национальные суды) и отказывали в юрисдикции при попытке

обойти эти условия посредством НБН (ICSID, 2011). В итоге в практике наблюдается прилизительный паритет: сопоставимое число прецедентов поддержало «широкий» подход, допускающий использование НБН в юрисдикционных целях, и «узкий», исключающий распространение НБН на процедуру разрешения споров [1].

Ограничительное толкование НБН подкрепляется применением правила *eiusdem generis*, согласно которому действие оговорки НБН ограничено предметной сферой основного договора. Трибуналы отмечали, что инвестор не может с помощью НБН требовать от государства исполнения обязательств, которые вообще не предусмотрены в основном соглашении. Иными словами, положением из другого международного договора можно воспользоваться лишь в том случае, если основной договор уже предусматривает аналогичную обязанность (пусть и в более узком объеме). Подобный подход особенно наглядно прослеживается при анализе стандарта справедливого и равноправного обращения (*fair and equitable treatment*). В доктрине он рассматривается не как абстрактное требование общей справедливости, а как договорно обусловленный стандарт, содержание которого формируется с учетом текста соглашения и намерений его участников. В обозначенной связи подчеркивается, что даже признание автономного характера FET не означает допустимости его использования для конструирования обязательств, выходящих за рамки согласованного договорного режима. Соответственно, обращение к оговорке НБН в отношении FET возможно лишь постольку, поскольку речь идет о модификации уже существующего стандарта, а не о создании принципиально новых обязательств для принимающего государства [2].

Например, если базовый договор не содержит положения о полной защите и безопасности инвестиций, инвестор не вправе «импортировать» этот стандарт через НБН. В подтверждение данного принципа в делах *Doutremepuich v. Mauritius* и *Rawat v. Mauritius* арбитры подчеркнули, что применение НБН не должно расширять обязательства государства на вопросы, изначально не охваченные самим договором (PCA1, PCA2). Напротив, если требуемое инвестором условие уже присутствует в договоре (хотя бы в ограниченном виде), оговорка НБН может позволить позаимствовать более благоприятную формулировку из другого соглашения. Цель правила *eiusdem generis* состоит в недопущении возложения на государство таких обязательств, о которых оно не договаривалось.

Новые инвестиционные соглашения последних лет содержат прямые ограничения режима НБН, устраняющие возможность его широкого толкования. Традиционно государства исключали из-под действия НБН некоторые сферы, прежде всего налоговые и таможенные льготы, а после резонансного решения *Maffezini v. Spain* (2000) стали отдельно прописывать, что НБН не распространяется на положения о разрешении споров. Однако в ряде совсем недавних соглашений закреплены еще более жесткие формулировки. Например, Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией 2020 г. (EU–UK TCA, 2020) устанавливает, что наличие более благоприятных материальных норм в другом международном договоре само по себе не составляет «режим» для целей статьи о НБН. Аналогичное положение предусмотрено в Соглашении о всеобъемлющем экономическом партнерстве между Великобританией и Японией (2020) (Japan–UK CETA, 2020) и в Соглашении между ЕС и Вьетнамом об инвестициях (2019) (EU–Viet IPA, 2019) (UNCTAD, 2021).

Тем самым государства напрямую предотвратили возможность использования НБН для заимствования из других договоров дополнительных стандартов защиты инвесторов. В новых европейских соглашениях НБН фактически сведен к обязанности не допускать дискри-

минационных мер по отношению к инвесторам разных иностранных государств, сближаясь по смыслу с национальным режимом. Каждое такое соглашение действует как автономный и не связанный с другими договорами правовой режим, что ведет к определенной фрагментации системы инвестиционных обязательств. Пока рано говорить, станет ли подобный подход общепринятым стандартом для всех стран – возможно, некоторые государства и далее будут сохранять более широкие формулировки НБН. Тем не менее явная тенденция к ограничению сферы действия НБН уже наметилась, и только практика покажет, утвердятся ли она окончательно.

Анализ выявил, что на применение режима НБН существенное влияние оказывают как тексты конкретных договоров, так и взгляды арбитров, рассматривающих спор. При широких и неопределенных формулировках оговорки НБН часть трибуналов склонна толковать ее *pro investore*, расширяя объем защиты инвестора, тогда как другие проявляют сдержанность, исходя из того, что без ясно выраженного согласия сторон нельзя выходить за пределы прямо предусмотренных процедур [3]. На выбор подхода нередко влияет и идеологическая позиция арбитров: отмечается, что условно «проинвесторски» настроенные арбитры чаще допускают применение НБН к вопросам юрисдикции, тогда как арбитры, ориентированные на защиту суверенитета государства, склонны отвергать такие притязания инвесторов. Действительно, отсутствие института обязательного прецедента в инвестиционном арбитраже приводит к тому, что разным составам трибуналов фактически предоставлена широкая свобода усмотрения. Это снижает предсказуемость исхода споров и вызывает критику легитимности международного инвестиционного арбитража как механизма разрешения споров [4].

С точки зрения самих государств, чрезмерно широкое применение НБН оказалось нежелательным, поскольку способно нарушить достигнутый при заключении договора баланс интересов. Если инвестор может «выбрать» из каждого соглашения наиболее благоприятные для себя условия, то нивелируется возможность индивидуальных компромиссов, заложенная в разных договорах. Именно этим объясняется стремление государств (особенно заметное в практике ЕС) четко обозначить пределы действия НБН и предотвратить «договорный шопинг» со стороны инвесторов [5].

В доктрине международного инвестиционного права подчеркивается, что чрезмерно широкое толкование оговорки наибольшего благоприятствования способно существенно осложнять процессы реформирования инвестиционных соглашений. За счет действия НБН инвесторы получают возможность ссылаться на положения ранее заключенных договоров, что на практике может приводить к сохранению устаревших стандартов защиты и нивелировать изменения, заложенные в новых договорных моделях. В результате НБН начинает выполнять функцию своеобразного механизма правовой инерции, ограничивая способность государств пересматривать и корректировать объем своих инвестиционных обязательств даже при наличии четко выраженной политической воли к реформе инвестиционного режима [6].

Как отмечается в доктрине, режим НБН на практике не столь эффективен в устранении неравенства, как могло предполагаться теоретически: он не столько выравнивает положение иностранных инвесторов, сколько порождает новые сложности и усиливает фрагментацию системы.

В подобном контексте показателен анализ режима наибольшего благоприятствования, проведенный в праве Всемирной торговой организации. Как подчеркивается в доктрине

ВТО, формально нейтральные меры государства могут приводить к возникновению фактической (*de facto*) дискриминации даже при отсутствии прямых различий в правовых режимах по признаку происхождения. Ключевое значение при этом имеет не формальное равенство нормативного регулирования, а совокупный эффект от применения таких мер на положение различных групп участников экономических отношений. Сам по себе режим НБН не устраняет подобной асимметрии, поскольку он ориентирован на выравнивание юридического режима, а не на анализ реального распределения регуляторных выгод и бремени. Перенос такого подхода в сферу международного инвестиционного права позволяет сделать вывод о структурной ограниченности НБН как универсального инструмента выравнивания условий для инвесторов [7].

В частности, Дж. Берманн указывает, что наличие или отсутствие оговорки НБН в договоре едва ли существенно влияет на решения компаний о зарубежных инвестициях: объем притока капитала в страну не зависит от данного фактора. Кроме того, стандарт НБН не приводит автоматически к «мультилиатерализации» режима инвестиционной защиты и не гарантирует устранения всех проявлений дискриминации. Напротив, государства оказываются связанными множеством разнородных обязательств, затрудняющих единообразное применение режима [8].

Таким образом, эволюция отношения к режиму наибольшего благоприятствования в инвестиционном праве демонстрирует постепенный переход от его максималистского использования к более сбалансированному и прозрачному подходу. Инвесторы уже не могут безгранично расширять свои права за счет множества сторонних соглашений – они вынуждены в первую очередь опираться на те гарантии, которые прямо закреплены в конкретном двустороннем договоре с участием их государства. Пределы применения НБН все более четко отражаются в тексте новых соглашений, что повышает предсказуемость и снижает вероятность возникновения подобных юрисдикционных споров в будущем [9].

Дополнительного внимания заслуживает вопрос о соотношении режима наибольшего благоприятствования и принципа согласия государства на международный инвестиционный арбитраж. В арбитражной практике последних лет прослеживается устойчивая тенденция рассматривать согласие государства на арбитраж отдельно от материально-правовых стандартов защиты инвестиций. Даже при наличии формально широкой оговорки НБН трибуналы все чаще исходят из презумпции ограниченного характера согласия государства, подчеркивая, что любое отступление от явно выраженных условий допускается лишь при наличии недвусмысленного намерения сторон. Такой подход особенно отчетливо проявляется в решениях, принятых после 2020 г., в которых арбитры уделяют значительное внимание буквальному анализу текста инвестиционного договора и системной связи его положений [10].

В ряде дел, рассмотренных в последние годы, инвесторы предпринимали попытки опереться на НБН для устранения временных, процессуальных либо институциональных ограничений, содержащихся в базовом договоре. При рассмотрении подобных аргументов арбитражные составы нередко ссылались на необходимость уважения автономии воли договаривающихся государств [11]. Отмечалось, что расширительное толкование НБН в юрисдикционной части способно трансформировать согласованный сторонами механизм разрешения споров, что противоречит фундаментальным началам международного арбитража [12]. В результате трибуналы приходили к выводу о недопустимости «косвенного согласия» на арбитраж, выведенного посредством отсылки к иным договорам.

Отдельного анализа заслуживает аргументация трибуналов, основанная на различии между режимом обращения с инвестициями и механизмом защиты прав инвестора. В ряде решений подчеркивалось, что режим НБН направлен на регулирование поведения государства по отношению к инвестициям на материально-правовом уровне, тогда как положения о разрешении споров формируют процессуальную архитектуру договора [3, с. 25–28]. При таком разграничении процедура урегулирования споров не рассматривается в качестве элемента режима обращения с инвестициями, что исключает возможность ее модификации через НБН. Подобная логика получила дальнейшее развитие в делах, рассмотренных под эгидой ICSID и UNCITRAL (UNCITRAL Rules, 2013) в 2020–2022 гг., где трибуналы прямо указывали на функциональное различие данных групп норм [13].

Дополнительным ограничителем применения НБН выступает требование правовой определенности. В инвестиционных спорах государства-ответчики все чаще настаивают на том, чтобы инвестор, принимая решение о вложении капитала, ориентировался на конкретный договор, а не на совокупность всех соглашений, заключенных принимающим государством, в связи с чем расширение договорных гарантий задним числом путем обращения к НБН рассматривается в качестве подрыва предсказуемости правового режима [11]. Подобные доводы находят поддержку у трибуналов особенно при рассмотрении споров, связанных с долгосрочными инфраструктурными проектами либо с регулированием стратегических отраслей.

В научной литературе после 2020 г. все чаще высказывается позиция о необходимости «функционального» толкования НБН, при котором решающее значение приобретает назначение конкретного договорного положения. Если спорное преимущество направлено на регулирование экономической деятельности инвестора, применение НБН допускается при соблюдении условия предметной однородности. При наличии попытки изменить баланс процессуальных прав сторон приоритет отдается буквальному тексту договора. Подобный подход позволяет сохранить предсказуемость инвестиционного режима и одновременно предотвратить фрагментацию арбитражной практики [14].

Нельзя обойти вниманием и влияние институциональных реформ инвестиционного арбитража на эволюцию режима НБН. Процессы реформирования, инициированные в рамках UNCITRAL Working Group III, способствовали переосмыслению роли инвестиционных стандартов в международном праве [15]. В дискуссиях о создании постоянного инвестиционного суда либо апелляционного механизма неоднократно подчеркивалась необходимость ограничения усмотрения арбитров при толковании стандартов защиты. В таком контексте НБН все чаще рассматривается не в качестве универсального инструмента гармонизации договорных режимов, а в качестве технической антидискриминационной нормы с ограниченной сферой действия [16].

В практике Европейского союза указанная трансформация проявляется особенно отчетливо. Новые соглашения ЕС фиксируют закрытый перечень обязательств принимающего государства, исключая возможность их расширения посредством ссылок на иные договоры. Арбитражные органы, рассматривающие споры на основе подобных соглашений, фактически лишены пространства для применения НБН в интерпретационном ключе¹. Тем самым достигается цель правовой автономии каждого инвестиционного договора, а также происходит снижение риска непредсказуемых решений.

¹ *Levy I. Europe shoots to badly injure MFN clauses in investment treaties: Latest developments in the E.U. and the U.K. // Michigan Journal of International Law. URL: <https://www.mjilonline.org/europe-shoots-to-badly-injure-mfn-clauses-in-investment-treaties-latest-developments-in-the-e-u-and-the-u-k/>, свободный.*

Дополнительный аспект, требующий внимания, связан с соотношением НБН и принципа добросовестности. В ряде дел государства-ответчики утверждали, что попытка инвестора использовать НБН для обхода явно выраженных ограничений нарушает требование добросовестного осуществления прав [10, с. 163]. Арбитры соглашались с тем, что формально допустимое толкование не должно приводить к результатам, противоречащим разумным ожиданиям сторон. В подобных ситуациях НБН рассматривался не автономно, а во взаимосвязи с общими принципами международного права.

Следует также отметить различие подходов в зависимости от структуры инвестиционного договора. В соглашениях старшего поколения, содержащих лаконичные формулировки НБН без уточнения пределов применения, трибуналы обладают более широкими возможностями интерпретации. В новых договорах, напротив, детализированные оговорки существенно ограничивают пространство для аргументации инвесторов. Анализ практики показывает, что именно текст договора остается определяющим фактором при разрешении споров о допустимости применения НБН (ILC, 2015).

В свете изложенного можно констатировать, что режим наибольшего благоприятствования утратил прежний универсалистский характер. Современная арбитражная практика демонстрирует отказ от восприятия НБН в качестве средства автоматического выравнивания всех инвестиционных договоров. На смену приходит подход, ориентированный на уважение договорной архитектуры и пределов согласия государств. Такая эволюция способствует повышению легитимности инвестиционного арбитража и снижению конфликтности в отношениях между государствами и инвесторами.

Отмеченное дополнение подтверждает вывод о том, что пределы использования НБН формируются под воздействием сразу нескольких факторов: договорной техники, институциональных реформ, доктринальных сдвигов и практических соображений правовой определенности. В совокупности перечисленные факторы задают направление дальнейшего развития режима НБН, постепенно трансформируя его из инструмента расширения защиты инвестора в механизм точечного устранения дискриминации в строго очерченных границах.

Отдельного рассмотрения требует проблема неоднородности аргументации арбитражных трибуналов при оценке допустимости применения режима НБН в зависимости от характера спорного преимущества. Анализ решений последних лет позволяет выделить устойчивую дифференциацию между попытками заимствования материально-правовых стандартов и обращением к НБН с целью трансформации договорной процессуальной модели. Если в первом случае трибуналы, как правило, допускают подобные требования при соблюдении условия предметной сопоставимости, то во втором наблюдается заметное усиление ограничительного подхода.

В решениях после 2020 г. все чаще подчеркивается, что процессуальные положения инвестиционного договора формируют замкнутую систему, отражающую согласованный баланс интересов сторон. Попытка изменить этот баланс через отсылку к третьим соглашениям оценивается как выход за пределы допустимого толкования. Арбитры указывают, что государство, принимая на себя обязательство по НБН, не выражает тем самым согласия на произвольную реконфигурацию механизма разрешения споров. Подобная логика отчетливо прослеживается в делах, где инвесторы стремились избежать требований, касающихся предварительного обращения в национальные суды, либо сократить установленные договором временные периоды ожидания.

В ряде решений подчеркивалось, что даже наличие формально благоприятного для инвестора прецедента не подразумевает обязанности для последующего трибунала следовать

аналогичному подходу. Отсутствие обязательной прецедентности в инвестиционном арбитраже приводит к тому, что каждое дело рассматривается как автономное, а значение предыдущих решений ограничивается их убедительностью, а не юридической силой. В результате НБН оказывается особенно уязвимым для разнонаправленного толкования, поскольку его содержание напрямую зависит от методологии интерпретации, избранной конкретным составом арбитров.

В указанной связи показательно усиление внимания к принципу системного толкования договоров. Трибуналы все чаще анализируют положение о НБН во взаимосвязи с другими статьями соглашения, включая преамбулу, положения о целях договора, а также специальные оговорки, касающиеся разрешения споров. При таком подходе НБН перестает рассматриваться как изолированная норма и включается в общий нормативный контекст договора, что, в свою очередь, способствует более сдержанному применению режима и снижает вероятность его использования для обхода специально согласованных ограничений.

Значительное место в аргументации трибуналов занимает ссылка на принцип *pacta sunt servanda*. Отмечается, что допустимость применения НБН не может подрывать обязательность договорных условий, прямо согласованных сторонами. Если договор содержит детально проработанный механизм разрешения споров, его игнорирование посредством обращения к иным соглашениям противоречит самой логике договорного регулирования. В подобном контексте НБН воспринимается не как инструмент пересмотра договорных компромиссов, а как средство обеспечения равного обращения в рамках уже установленных обязательств.

Интерес представляет и развитие аргументации, связанной с разумными ожиданиями сторон. Трибуналы указывают, что государство, заключая инвестиционный договор, формирует свои регуляторные ожидания, исходя из конкретного текста соглашения. Аналогичным образом инвестор оценивает правовую среду, опираясь на условия того договора, на основании которого осуществляется инвестиция. Возможность последующего расширения прав инвестора за счет ссылок на иные договоры ставит под сомнение стабильность таких ожиданий [17]. В результате НБН все чаще интерпретируется ограничительно именно с позиций защиты правовой определенности.

В научных работах последних лет подчеркивается, что чрезмерная гибкость режима НБН способна стимулировать стратегическое поведение инвесторов. Подобное поведение выражается в выборе наиболее благоприятной комбинации договорных положений без учета их системной взаимосвязи. Такой подход, по мнению ряда авторов, трансформирует инвестиционные договоры в своего рода «меню» норм, что противоречит принципам договорного права. Современная арбитражная практика во многом отражает стремление нивелировать подобные риски (ILC, 2015).

Дополнительным фактором, влияющим на пределы применения НБН, стало усиление внимания к регуляторному суверенитету государств. В спорах, затрагивающих меры публичного регулирования, арбитры проявляют заметную осторожность при рассмотрении требований, основанных на НБН. Подчеркивается, что расширение обязательств государства через данный режим может ограничить пространство для осуществления публичной политики, особенно в сферах охраны окружающей среды, здравоохранения и финансовой стабильности. В таких делах приоритет отдается узкому толкованию договорных стандартов.

Влияние обозначенных тенденций отчетливо прослеживается в новых инвестиционных соглашениях, где государства стремятся заранее устранить неопределенность, связанную с

НБН. Использование детализированных формулировок, прямых исключений и разъяснительных положений свидетельствует о попытке минимизировать пространство для интерпретационного усмотрения арбитров. Тем самым государства фактически переносят центр тяжести с арбитражного толкования на стадию договорного конструирования [10, с. 166].

Отдельного упоминания заслуживает вопрос о соотношении НБН и национального режима. В ряде новых договоров наблюдается тенденция к сближению указанных стандартов по содержанию. НБН в подобных соглашениях сводится к запрету дискриминации между иностранными инвесторами разных государств и не затрагивает вопрос о сопоставлении с внутренними инвесторами. Это еще раз подтверждает отход от восприятия НБН как инструмента расширения материальных гарантий и его трансформацию в антидискриминационную норму ограниченного действия.

В совокупности рассмотренные примеры позволяют утверждать, что современная практика применения режима наибольшего благоприятствования характеризуется возрастающей осторожностью. Арбитражные трибуналы все реже поддерживают аргументы, направленные на радикальное расширение договорных обязательств государства. Вместо этого преобладает ориентация на буквальный текст договора, системную интерпретацию и защиту согласованного баланса интересов сторон.

Дополнительного анализа требует вопрос о допустимости фрагментарного заимствования отдельных элементов договорных обязательств посредством режима НБН. В ряде споров инвесторы стремились использовать НБН не для переноса целостного стандарта защиты, а для извлечения отдельных, наиболее благоприятных формулировок из других соглашений. Подобная практика получила критическую оценку со стороны арбитражных трибуналов, которые указывали на недопустимость «нормативного конструирования» обязательств государства вне рамок конкретного договора [18]. Отмечалось, что перенос изолированных элементов без учета их контекста способен исказить смысл соответствующих положений и привести к результатам, не предусмотренным сторонами.

Арбитры подчеркивали, что инвестиционные договоры формируются как сбалансированные комплексы норм, в которых объем предоставляемых гарантий соотносится с исключениями, оговорками и процедурными ограничениями. Искусственное извлечение отдельных преимуществ разрушает данную взаимосвязь и нарушает внутреннюю логику соглашения. В этой связи режим НБН все чаще интерпретируется как инструмент сравнения сопоставимых режимов обращения, а не как средство селективного заимствования отдельных норм.

В практике после 2020 г. заметно усиление внимания к понятию «сопоставимости» при оценке требований, основанных на НБН. Трибуналы анализируют не только формальное сходство положений, но и их функциональное назначение, сферу применения и место в договорной структуре. При отсутствии достаточной сопоставимости требование инвестора отклоняется даже при наличии более благоприятной формулировки в другом соглашении. Такой подход позволяет ограничить чрезмерное расширение обязательств государства и способствует более последовательному применению режима.

Отдельный пласт споров связан с попытками распространить НБН на исключения из стандартов защиты. В некоторых делах инвесторы утверждали, что если государство в ином договоре предусмотрело более узкий перечень исключений, то такой подход должен применяться и к их инвестициям. Арбитражные трибуналы, как правило, отвергали подобные доводы, указывая, что исключения и оговорки являются неотъемлемой частью договорного

баланса. Их пересмотр посредством НБН рассматривался как вмешательство в согласованное распределение рисков между сторонами [3, с. 29–33].

Существенное значение приобрела и аргументация, связанная с историей заключения договора. В ряде решений арбитры обращались к подготовительным материалам и контексту переговоров, чтобы установить намерения сторон относительно сферы действия НБН. Если из обстоятельств заключения соглашения следовало, что стороны осознанно выбрали более ограниченный объем обязательств, попытки расширить его через НБН признавались необоснованными. Такой метод интерпретации способствует более точному отражению договорной воли государств.

Нельзя не отметить влияние региональных особенностей на формирование практики применения НБН. В спорах с участием государств Латинской Америки, Азии и Восточной Европы наблюдаются различия в аргументации сторон и подходах трибуналов. Однако даже с учетом этих различий после 2020 г. прослеживается сближение позиций в сторону более строгого толкования режима. Это позволяет говорить о формировании определенного консенсуса относительно пределов допустимого использования НБН (по крайней мере в части процессуальных вопросов).

В доктрине последних лет активно обсуждается вопрос о нормативной ценности НБН в условиях трансформации инвестиционного арбитража. Ряд авторов указывает, что снижение значимости рассматриваемого режима отражает более общий кризис традиционной модели защиты инвестиций. Усиление роли публичных интересов, пересмотр стандартов справедливого обращения и реформирование арбитражных институтов неизбежно сказываются и на интерпретации НБН. В этом контексте ограничение сферы его применения воспринимается не как ослабление защиты инвесторов, а как шаг к более сбалансированному регулированию.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о применении НБН в многосторонних инвестиционных соглашениях и соглашениях нового поколения. В подобных договорах государства зачастую заранее исключают возможность использования НБН для сопоставления с иными международными обязательствами. Арбитражные трибуналы, рассматривающие споры на основе таких соглашений, исходят из приоритета их автономного характера. Это еще раз подтверждает тенденцию к отказу от «горизонтального» сопоставления договоров посредством НБН.

Заключение

Проведенный анализ режима наибольшего благоприятствования в инвестиционных договорах позволяет сделать вывод о существенной трансформации подходов к его интерпретации и применению в международном инвестиционном праве. Если ранее НБН нередко рассматривался в качестве универсального инструмента расширения объема защиты инвестора, то современная арбитражная практика демонстрирует заметный отход от подобного восприятия. На смену приходит более сдержанное и формально ориентированное толкование, опирающееся на текст договора, его структуру и согласованную волю государств.

Анализ судебной практики показывает, что наибольшую степень устойчивости сохранило применение НБН в сфере материально-правовых стандартов защиты инвестиций при условии соблюдения предметной сопоставимости и отсутствия прямых договорных ограничений. В то же время попытки использовать НБН для изменения процессуальных условий разрешения споров, обхода предварительных требований либо реконфигурации арбитражного согласия государства все чаще встречают отказ со стороны трибуналов. Такая практика отражает укрепление позиции о том, что согласие на арбитраж носит строго

определенный характер и не подлежит расширительному толкованию посредством отсылок к иным соглашениям.

Существенное значение в формировании пределов применения НБН приобрели принципы правовой определенности, *pacta sunt servanda* и уважения договорного баланса. Арбитражные органы все чаще исходят из необходимости сохранить внутреннюю согласованность инвестиционного договора и предотвратить фрагментарное заимствование отдельных выгодных положений без учета их контекста. Такой подход направлен на снижение риска непредсказуемых решений и укрепление легитимности инвестиционного арбитража как механизма разрешения споров.

Отдельного внимания заслуживает эволюция договорной практики государств. Новые инвестиционные соглашения содержат детализированные и нередко жесткие формулировки, ограничивающие сферу действия НБН либо прямо исключающие возможность его использования для обращения к обязательствам из других договоров. Тем самым государства стремятся минимизировать интерпретационное усмотрение арбитров и заранее зафиксировать пределы своих обязательств. Подобная тенденция свидетельствует о смещении центра регулирования с арбитражного толкования на стадию договорного конструирования.

В доктринальном плане наблюдается постепенное переосмысление нормативной функции режима наибольшего благоприятствования. Он все реже рассматривается как средство гармонизации инвестиционных режимов и все чаще – как антидискриминационная норма ограниченного действия. Такой сдвиг отражает более широкий процесс трансформации международного инвестиционного права, связанный с усилением внимания к публичным интересам и регуляторному суверенитету государств.

В результате можно констатировать, что пределы использования режима наибольшего благоприятствования в инвестиционных договорах в настоящее время определяются совокупностью факторов: текстом конкретного соглашения, методологией арбитражного толкования, институциональными изменениями в системе инвестиционного арбитража и доктринальными сдвигами. Современная практика демонстрирует стремление к большей предсказуемости и структурной целостности инвестиционных обязательств. В этих условиях НБН утрачивает характер инструмента произвольного расширения защиты инвестора и занимает более строго очерченное место в системе международного инвестиционного регулирования.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- ICSID Conv., 1965 — Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (ICSID Convention). Washington, 1965. URL: <https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/ICSID%20Convention%20English.pdf>, свободный.
- UNCITRAL Rules, 2013 – United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL). Arbitration Rules (as revised in 2013). URL: <https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration/contractualtexts/arbitration>, свободный.
- EU–UK TCA, 2020 – Agreement on Trade and Cooperation between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the one part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the other part. 2020. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:22021A0430\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:22021A0430(01)), свободный.

- EU–Viet IPA, 2019 – EU–Vietnam Investment Protection Agreement. 2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legisum:4373944>, свободный.
- Japan–UK CEPA, 2020 – Comprehensive Economic Partnership Agreement between Japan and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. 2020. URL: https://www.mofa.go.jp/ecm/ie/page25e_000392.html, свободный.
- UNCTAD, 2010 – UNCTAD. Most-Favoured-Nation Treatment. UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements II. N. Y.; Geneva: UN, 2010. 141 p. UNCTAD/DIAE/IA/2010/1. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaeia20101_en.pdf, свободный.
- UNCTAD, 2021 – UNCTAD. Recent Developments in the IIA Regime: Accelerating IIA Reform. IIA Issues Note. N. Y.; Geneva: UN, 2021. UNCTAD/DIAE/PCB/INF/2021/6. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcbinf2021d6_en.pdf, свободный.
- ILC, 2015 – International Law Commission. Final Report of the Study Group on the Most-Favoured-Nation Clause. UN Doc A/CN.4/L.852. Geneva: UN, 2015. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/reports/1_3_2015.pdf, свободный.
- ICSID, 2000 – ICSID Case No. ARB/97/7. Emilio Agustín Maffezini v. Kingdom of Spain. Decision on Jurisdiction. 25 January 2000. URL: <https://www.italaw.com/cases/641>, свободный.
- ICSID, 2005 – ICSID Case No. ARB/03/24. Plama Consortium Limited v. Republic of Bulgaria. Decision on Jurisdiction. 8 February 2005. URL: <https://www.italaw.com/cases/857>, свободный.
- ICSID, 2011 – ICSID Case No. ARB/07/17. Impregilo S.p.A. v. Argentine Republic. Award. 21 June 2011. URL: <https://www.italaw.com/cases/554>, свободный.
- PCA1 – PCA Case No. 201 8- 37. Doutremepuich and others v. Republic of Mauritius. Award. 23 August 2019. URL: <https://www.italaw.com/cases/6819>, свободный.
- PCA2 – PCA Case No. 2016-20. Rawat v. Republic of Mauritius. Award. 6 April 2018. URL: <https://www.italaw.com/cases/3775>, свободный.

Литература

1. *Titi C.* Most-favoured-nation treatment: Survival clauses and reform of international investment law // *Journal of International Arbitration*. 2016. V. 33, No 5. P. 425–440. <https://doi.org/10.54648/JOIA2016034>.
2. *Хлестова И.О.* Международно-правовые договоры о защите иностранного инвестора // *Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2017. № 4 (65). С. 99–105. https://doi.org/10.12737/article_598063fb0a2158.24037837.
3. *Sharmin T., Laryea E.* Application of MFN to investment dispute settlement: Rule of law issues // *Journal of International Trade Law and Policy*. 2021. V. 20, No 1. P. 21–41. <https://doi.org/10.1108/JITLP-05-2020-0031>.
4. *Sharmin T.* Evolution of MFN treatment and drafting trends in the older generation of IIAs // *Application of Most-Favoured-Nation Clauses by Investor-State Arbitral Tribunals: Implications for the Developing Countries*. Ser.: International Law and the Global South. Singapore: Springer, 2020. P. 25–69. https://doi.org/10.1007/978-981-15-3730-1_2.
5. *Hossain M.B.* Analyzing the Most-Favored Nation treatment principle: A study of Malaysia's bilateral investment treaties and their implications // *Lex Publica*. 2025. V. 12, No 1. P. 173–206. <https://doi.org/10.58829/lp.12.1.2025.299>.
6. *Рачков И.В., Рачкова Е.И.* Международный инвестиционный арбитраж: решения 2017–2018 годов по существу спора // *Междунар. Правосудие*. 2020. № 4 (36). С. 112–143. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-4-112-143>.
7. *Викторова Н.Н.* Применение режима наибольшего благоприятствования при разрешении трансграничных инвестиционных споров // *Lex Russica*. 2015. Т. 104, № 7. С. 29–36.
8. *Mangan M., Srivastava A.* Substantive protections: MFN jurisprudence explained through analysis of treaty language, the claimant's ambition and choice of arbitrator // *Mangan M. (Contributing Ed.)*

The Guide to Investment Treaty Protection and Enforcement – Third Edition. Global Arbitration Review. October 27, 2025. 52 p.

9. Трунк-Федорова М.П. Режим наибольшего благоприятствования в инвестиционном арбитраже: возможно ли использовать ГАТС?: Комментарий к решению МЦУИС по делу *Menzies Middle East and Africa S.A. and Aviation Handling Services International Ltd. v. Republic of Senegal* // Междунар. правосудие. 2023. № 1 (45). С. 29–39. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2023-1-29-39>.
10. Оганесова С.Р. Оговорка о режиме наиболее благоприятствуемой нации в практике установления юрисдикции международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 3 (124). С. 160–167. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.124.3.160-167>.
11. Douglas Z. The MFN Clause in investment arbitration: Treaty interpretation off the rails // Journal of International Dispute Settlement. 2011. V. 2, No 1. P. 97–113. <https://doi.org/10.1093/jnlids/idq015>.
12. Rogozina A.A. Некоторые особенности применения оговорок о наибольшем благоприятствовании в международном инвестиционном праве // Вестн. РУДН. Сер.: Юрид. науки. 2017. Т. 21, № 2. С. 263–277. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-2-263-277>.
13. Шумилов В.М. Триединство принципов недискриминации, наибольшего благоприятствования и национального режима в международном торговом правовом порядке // Публичное право сегодня. 2022. № 3 (13). С. 51–61. <https://doi.org/10.24411/2541-8440-2022-3-0005>.
14. Batifort S., Heath J.B. The new debate on the interpretation of MFN clauses in investment treaties: Putting the brakes on multilateralization // American Journal of International Law. 2017. V. 111, No 4. P. 873–913. <https://doi.org/10.1017/ajil.2017.77>.
15. Langford M., Potestà M., Kaufmann-Kohler G., Behn D. Special issue: UNCITRAL and investment arbitration reform: Matching concerns and solutions: An introduction // Journal of World Investment & Trade. 2020. V. 21, Nos 2–3. P. 167–187. <https://doi.org/10.1163/22119000-12340171>.
16. Smith K.S. The jurisdiction-limiting MFN clause // New York University Law Review. 2024. V. 99, No 3. P. 1139–1186.
17. Maupin J.A. MFN-based jurisdiction in investor–state arbitration: Is there any hope for a consistent approach? // Journal of International Economic Law. 2011. V. 14, No 1. P. 157–190. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgq052>.
18. Bermann G.A. Most-favoured-nation’s false promises // Arbitration International. 2025. V. 41, No 3. P. 441–464. <https://doi.org/10.1093/arbint/aiaf010>.

References

1. Titi C. Most-favoured-nation treatment: Survival clauses and reform of international investment law. *Journal of International Arbitration*, 2016, vol. 33, no. 5, pp. 425–440. <https://doi.org/10.54648/JOIA2016034>.
2. Khlestova I.O. International treaties on the protection of foreign investors. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2017, no. 4 (65), pp. 99–105. https://doi.org/10.12737/article_598063fb0a2158.24037837. (In Russian)
3. Sharmin T., Laryea E. Application of MFN to investment dispute settlement: Rule of law issues. *Journal of International Trade Law and Policy*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 21–41. <https://doi.org/10.1108/JITLP-05-2020-0031>.
4. Sharmin T. Evolution of MFN treatment and drafting trends in the older generation of IIAs. In: *Application of Most-Favoured-Nation Clauses by Investor-State Arbitral Tribunals: Implications for the Developing Countries*. Ser.: International Law and the Global South. Singapore, Springer, 2020, pp. 25–69. https://doi.org/10.1007/978-981-15-3730-1_2.
5. Hossain M.B. Analyzing the Most-Favored Nation treatment principle: A study of Malaysia’s bilateral investment treaties and their implications. *Lex Publica*, 2025, vol. 12, no. 1, pp. 173–206. <https://doi.org/10.58829/lp.12.1.2025.299>.

6. Rachkov I.V., Rachkova E.I. International investment arbitration: The decisions of 2017–2018 on merits of the dispute. *Mezhdunarodnoe Pravosudie*, 2020, no. 4 (36), pp. 112–143. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-4-112-143>. (In Russian)
7. Viktorova N.N. Application of most-favored-nation treatment in cross-border investment dispute resolution. *Lex Russica*, 2015, vol. 104, no. 7, pp. 29–36. (In Russian)
8. Mangan M., Srivastava A. Substantive protections: MFN jurisprudence explained through analysis of treaty language, the claimant's ambition and choice of arbitrator. In: Mangan M. (Contributing Ed.) *The Guide to Investment Treaty Protection and Enforcement – Third Edition*. Global Arbitration Review. October 27, 2025. 52 p.
9. Trunk-Fedorova M.P. Most-favored-nation treatment in investment arbitration: Is it possible to use GATS? A commentary on the ICSID decision on *Menzies Middle East and Africa S.A. and Aviation Handling Services International Ltd. v. Republic of Senegal*. *Mezhdunarodnoe Pravosudie*, 2023, no. 1 (45), pp. 29–39. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2023-1-29-39>. (In Russian)
10. Oganezova S.R. The most-favored-nation clause in establishing the jurisdiction of the International Centre for Settlement of Investment Disputes (ICSID). *Actual Problems of Russian Law*, 2021, vol. 16, no. 3 (124), pp. 160–167. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.124.3.160-167>. (In Russian)
11. Douglas Z. The MFN clause in investment arbitration: Treaty interpretation off the rails. *Journal of International Dispute Settlement*, 2011, vol. 2, no. 1, pp. 97–113. <https://doi.org/10.1093/jnlids/idq015>.
12. Rogozina A.A. Some peculiarities of most-favored-nation clauses in international investment law. *RUDN Journal of Law*, 2017, vol. 21, no. 2, pp. 263–277. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-2-263-277>. (In Russian)
13. Shumilov V.M. The trinity of the principles of non-discrimination, most-favored-nation treatment, and national treatment in the international trade order. *Public Law Today*, 2022, no. 3 (13), pp. 51–61. <https://doi.org/10.24411/2541-8440-2022-3-0005>. (In Russian)
14. Batifort S., Heath J.B. The new debate on the interpretation of MFN clauses in investment treaties: Putting the brakes on multilateralization. *American Journal of International Law*, 2017, vol. 111, no. 4, pp. 873–913. <https://doi.org/10.1017/ajil.2017.77>.
15. Langford M., Potestà M., Kaufmann-Kohler G., Behn D. Special issue: UNCITRAL and investment arbitration reform: Matching concerns and solutions: An introduction. *Journal of World Investment & Trade*, 2020, vol. 21, nos. 2–3, pp. 167–187. <https://doi.org/10.1163/22119000-12340171>.
16. Smith K.S. The jurisdiction-limiting MFN clause. *New York University Law Review*, 2024, vol. 99, no. 3, pp. 1139–1186.
17. Maupin J.A. MFN-based jurisdiction in investor–state arbitration: Is there any hope for a consistent approach? *Journal of International Economic Law*, 2011, vol. 14, no. 1, pp. 157–190. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgq052>.
18. Bermann G.A. Most-favoured-nation's false promises. *Arbitration International*, 2025, vol. 41, no. 3, pp. 441–464. <https://doi.org/10.1093/arbint/aiaf010>.

Информация об авторе

Ильдус Исмагилович Галимов, аспирант кафедры международного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: ildus.galimov.99@mail.ru

Author Information

Ildus I. Galimov, Postgraduate Student, Department of International Law, Kazan Federal University
E-mail: ildus.galimov.99@mail.ru

Поступила в редакцию 13.01.2026

Поступила после рецензирования 18.03.2026

Принята к публикации 23.03.2026

Received January 13, 2026

Revised March 18, 2026

Accepted March 23, 2026